

Е.Г. Степанян

**ВИЛЬГЕЛЬМ
МОЛЧАЛИВЫЙ**

Елена Грантовна Степанян Вильгельм Молчаливый

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564877

Вильгельм Молчаливый [Электронный ресурс] /Е.Г. Степанян. – 2-е

изд. (эл.): Теревинф; Москва; 2014

ISBN 978-5-4212-0302-5

Аннотация

«Вильгельм Молчаливый» – историческая хроника, посвященная одному из этапов Реформации, «огненному крещению» Европы в XVI столетии

Содержание

Пролог	5
Глава первая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Грантовна Степанян

Вильгельм Молчаливый

На обложке портрет Вильгельма Оранского работы Антонио Моро

С другими произведениями Е.Г. Степанян можно познакомиться на сайте автора eg64.ru, а также на сайтах proza.ru и stihi.ru (поиск по фамилии автора).

Пролог

* * *

1. Военный лагерь под Сен-Кантенем. Палатки, костры, телеги, распряженные лошади, суемящиеся люди. Из города несутся шум и победные крики.

Быстро темнеет. На лагерь падает редкий дождик, но видно, как над городом началась сильная гроза. Загорелось несколько зданий, одно из них – городской собор.

Часовые у палатки, в которой содержатся пленные французские военачальники.

Внутри палатки – адмирал Колиньи лежит на походной кровати, остальные сидят в неудобных позах, не глядя друг на друга.

Старый коннетабль Монморанси, взволнованный грозой, подымается со своего места и выглядывает наружу.

Коннетабль (*опуская полог палатки*). Да, необыкновенный день! Граф Эгмонт поистине великий полководец! Только великим бывает такая удача! Я нисколько не стыжусь, что оказался побежденным.

Маршал Сент-Андре. Вам ничего другого не остается,

господин коннетабль.

Колиньи (*прислушиваясь, подымается с кровати*). Что там происходит?

Коннетабль. Собор горит. Но его уже тушат.

Колиньи встает и бросается к выходу. Шагах в двадцати от палатки движется процессия изможденных людей – женщин с маленькими детьми и стариков.

Колиньи (*пытаясь выйти из палатки*). Что это значит? Куда гонят этих людей?

Фламандский офицер (*преграждая ему путь*). Простите, господин адмирал, вам нельзя отсюда.

Колиньи. Я спрашиваю, куда гонят этих людей?

Офицер. Приказ его величества короля Филиппа. Город должен быть очищен от всех, кто не говорит по-фламандски.

Колиньи. Они же на ногах не стоят! Они чуть с голоду не умерли во время осады!

Офицер. Французы в течение многих лет занимали этот город незаконно. Теперь он должен навечно стать фламандским!

Колиньи (*его трясет в лихорадке, он возвращается на свое место*). Мужчин убили всех до одного! Неужели мало!

Коннетабль (*кладя ему руку на плечо*). Успокойтесь, друг мой! Вы тяжело больны. И все знают, что вы были больны еще перед началом сражения.

Колиньи (*не слушая его*). Боже, какой позор!

Коннетабль. Ну полно вам! Какой же тут позор? Даже на

турнире успех может зависеть от случайностей. А это ведь война! (...) Ничего, мы же с вами не навечно в плену! Успеем еще поддержать честь Франции и свою собственную! (...) Но сегодняшний день принадлежит графу Эгмонту!

Входит фламандский офицер.

Офицер. Господа! Его величество лично распорядился сообщить вам, что пожар в соборе удалось потушить. Мощи святого Квентина для большей безопасности перенесены в специальное укрытие. Их вернут на место, как только станет возможным.

Колиньи. Нет, я сейчас сойду с ума!

Коннетабль. Дайте же ему воды! (*Адмиралу дают напиться.*) Ах, скорее бы нас отсюда увезли! Вам известно, что мы поедем в Антверпен? Вам приходилось там бывать, маршал?

Маршал Сент-Андре. Нет, никогда.

Коннетабль. Что ж, готовьтесь увидеть множество чудес!

Маршал. Я бы предпочел попасть туда менее унижительным образом.

Коннетабль. Антверпен – это столица мира! Он любит чужестранцев, он не мыслит себя без них! Ручаюсь вам, вы ни одной минуты не почувствуете себя в плену!

2. Город Антверпен празднует заключение мира с Францией. Сквозь бесчисленные триумфальные арки едут король Филипп и все его военачальники. Под ноги их коней летят цветы. Улицы полны народа. Во всех окнах, на крышах, на деревьях – множество людей.

Крики. Слава королю! Слава графу Эгмонту! Слава победителям!

Герцог Альба бок о бок с графом Гоохстратеном въезжают под арку, украшенную трубящими тритонами.

Альба (*поднимая глаза на тритонов*). А кто же оплачивает все это?

Гоохстратен. Антверпенский магистрат, конечно!

Альба. А кому же идут деньги?

Гоохстратен. Гильдии живописцев. О, в этом городе умеют жить, не сомневайтесь, герцог!

Человек в толпе подымает повыше ребенка.

Человек с ребенком. Смотри, смотри! Вот это король так король! И Испания его, и Фландрия его, и Америка, и Индия, и эта, как ее!..

Стоящий рядом. Все равно у отца его больше было¹!..

¹ Отец Филиппа II Карл V был также германским императором. При отречении от престола он передал императорскую корону своему младшему брату Фердинанду.

Человек с ребенком. Ничего, нам бы и этого хватило.

Крики. Слава великому Эгмонту! Слава герою! Слава королю!

Разговор в толпе.

Первый. Французы нам вернули семьдесят городов!

Второй. Ну, я тебя поздравлю! Будешь жить во всех них сразу.

В одном из окон – бородатый мужчина и четверо ребят-шек.

Бородатый (*еле шевеля губами*). Вот он, мучитель наших братьев! Антихрист и сын антихриста. (*Детям.*) Нечего вам на него смотреть! Отойдите отсюда!

Другое окно, битком набитое людьми.

Один (*объясняет всем прочим*). Вон с длинной рожей – это герцог Альба. А рядом, маленький, – это наш Гоохстра-тен.

Другой. А вот наш принц Оранский! Эх, стать бы ему наместником Брабанта², а без этих мы бы как-нибудь обошлись. (*Кричит, чуть не вываливаясь из окна.*) Слава принцу Оранскому!

Крики на улице. Слава фламандским героям! Слава графу Эгмонту! Слава королю! Слава королю!

² Нидерланды того времени состояли из семнадцати провинций, каждая из которых возглавлялась штатгальтером. Брабант, самая крупная и богатая провинция, своего штатгальтера не имел и подчинялся непосредственно главному правителю, находившемуся в Брюсселе.

Вечером в ратуше. Входят епископ Гранвелла, граф Эгмонт, принц Оранский и герцог Аршот.

Гранвелла. Ну что ж – все довольны, все счастливы!

Вильгельм (*улыбаясь Эгмонту*). И все жаждут видеть того, кому они обязаны этим праздником!

Гранвелла. Однако не забывайте, господа, что главным источником мира явилось поистине нечеловеческое великодушие его величества! В самый разгар побед – первым протянуть руку побежденному! Отказаться даже от клочка завоеванной земли! История не знает подобных примеров.

Эгмонт. А вам не кажется, епископ, что без победы побежденных не бывает?

Вильгельм (*примирительно*). Несомненно, великие полководцы прокладывают дорогу королевской славе и королевскому великодушию.

Гранвелла. Себя вы, принц, как видно, к ним не причисляете?

Вильгельм. Мне довелось взять в плен герцога де Лонгвиля в минувшую кампанию, но боюсь, что я обязан этим исключительно его любезности.

Гранвелла. Вы прирожденный миротворец, принц! Этим путем идут те, кто целиком полагается на собственную мудрость, а не желает зависеть от случайности, этого сомни-

тельного союзника. Злые языки говорят, что если бы Колиньи вовремя не подхватил свою лихорадку, то еще не известно, как бы все повернулось под Сен-Кантенем. (*Любезным тоном.*) Глупости, конечно, но забавно! (*Беря принца под руку.*) Кстати, насчет вашей поездки во Францию... (*Отводит его в сторону.*)

Эгмонт (*Аршоту*). Ненавижу эту рожу!

Аршот. Осторожно, граф! Король никому так не доверяет, как Гранвелле.

Эгмонт. Конечно! Мы с вами меньше потрудились для его славы.

Гранвелла (*принцу*). Его величество не один раз говорил мне, что он глубоко огорчен тем, что его крестники так рано остались сиротами! Срок траура уже кончился, вам надо подумать о новой женитьбе!

Вильгельм. Я очень тронут королевской заботой! Я и сам понимаю, что мне придется жениться. Но, к сожалению, эта мысль пока не доставляет мне радости.

Гранвелла. Как только вы сделаете выбор, вам сразу же станет легче! Доверьтесь моему житейскому опыту.

И очень будет хорошо, если вы сделаете этот выбор во Франции. Вы доставите удовольствие нашему государю, поскольку он сам сейчас женится на француженке, а Генрих Второй будет просто в восторге! Вы покорили его своим дипломатическим искусством. Когда он выбирал себе заложников, он прежде всего потребовал вас, а не кого-нибудь из

наших вояк.

Вильгельм. Могу сказать вам почему, мой добрый друг. Выяснилось, что мы с королем оба страстные любители соколиной охоты.

Входит герцог Альба.

Альба. Что, господа, все в сборе, можно хоть сейчас отправляться в Париж. Зачем только французу понадобилось столько заложников? Не понимаю, что мы там будем делать вчетвером!

Аршот. Веселиться, герцог! Чем еще заниматься при французском дворе.

Альба. Я предпочитаю работу всякому веселью.

Эгмонт. В Париже мы постараемся вам не мешать! Не правда ли, принц?

Альба. Очень на это надеюсь!

За окнами блестит фейерверк. Слышатся крики и треск хлопушек.

Аршот. Вы слышали? Этот праздник будет длиться целых девять дней! *(К Альбе.)* Мы собираемся в город. Поедемте с нами, герцог! Такое можно увидеть только здесь! На всех площадях стоят жареные быки, вино течет прямо по улицам!

Альба *(тоном весельчака, подмигивая Гранвелле).* Благодарю вас! Я человек небогатый, но есть предпочитаю за собственный счет.

* * *

3. Замок Стен, огромный, похожий на скалу.

Комната в замке. Мужчина и женщина средних лет склоняются над спящим адмиралом Колиньи.

Колиньи (*кричит во сне*). Не отступать! Мы будем стоять насмерть!

Женщина. Разбуди его! Доктор сказал, надо сразу же будить!

Мужчина. Проснитесь! Проснитесь, господин адмирал!

Колиньи (*просыпаясь*). Опять я кричал? Ну ничего, скоро пройдет. (*Тонем заговорщика.*) Это болезнь не к смерти. (*Тихонько пожмает руку фламандцу, тот отвечает ему понимающим взглядом.*)

В дверь заглядывает молоденькая девушка.

Девушка (*робко*). Там прибыл принц Оранский навещать господина адмирала!

Соседняя комната. Принц направляется в спальню Колиньи. Семья фламандцев низко кланяется ему.

* * *

Вильгельм. Этот замок весьма почтенное место, но мне кажется, что его сырые стены и не дают вам выздороветь

окончательно. Я прошу вас, господин адмирал, сегодня же переехать в мой дом. Право же, раз война окончена, то нет никакой надобности в подобной цитадели!

Колиньи (*пристально глядя в его лицо*). Значит, по-вашему, война окончилась? Но наступил ли мир?

Вильгельм. Вы хотите сказать, что не верите в искренность договаривающихся сторон?

Колиньи. Я говорю о другой войне! О той, что началась с сотворения мира и продлится до Судного дня. И каждый, кто родится на свет, в ней участвует, даже если он об этом не подозревает.

Вильгельм. Простите, дорогой адмирал, эти люди, которые ухаживают за вами, – они религиозные сектанты?

Колиньи (*с искренним удивлением*). Почему вы так решили?

Вильгельм. Мне трудно предположить, что вы усвоили подобные обороты речи при французском дворе!

Колиньи. Представьте себе, что даже там можно услышать слово истины! Но я был слеп и глух! Теперь-то я понимаю, что поражение, и плен, и эта болезнь были мне ниспосланы для того, чтобы я прозрел!

Вильгельм (*кивая в сторону двери*). Вы можете передать им мое восхищение. Мастерская работа!

Колиньи (*спохватившись*). Вы собираетесь об этом сообщить?

Вильгельм. Вообще-то, доносчику причитается полови-

на имущества еретика. Но вы меня, конечно, не подозреваете, что я хочу разбогатеть подобным образом?

Колиньи (*смущенно*). Извините меня, принц! У меня слишком долго была лихорадка.

В соседней комнате. Пожилой фламандец стоит, прижавшись ухом к двери. Входит девушка.

Девушка (*испуганно*). Что ты делаешь, отец?

Отец (*спокойно*). Слушаю их разговор. Принц Оранский наследственный бургграф Антверпена. Нам надо знать, что он думает!

Девушка. Сейчас время давать ему лекарство! Как же быть?

Отец (*посторонившись*). Проходи!

У Колиньи. Девушка смущенно, ни на кого не глядя, подносит адмиралу питье, принимает у него пустую чашку и выходит. Принц Оранский ласково, но бесцеремонно рассматривает ее.

Вильгельм (*вслед девушке*). А вот и главный проповедник!

Колиньи (*горячо*). Принц, эта девушка чиста, как ангел!

Вильгельм. Друг мой, любого, кто в этом усомнится, я готов вызвать на поединок!

Колиньи (*после некоторого замешательства*). Знаете, принц, я, к своему стыду, плохо разбираюсь в людях, но даю вам слово, что вы мне внушаете необыкновенное доверие...
(*Он достает из шкафа толстую книгу и кладет перед прин-*

цел.) – Вот!

Вильгельм. Это Библия, надо полагать?

Колиньи. Да, на вашем родном языке!

Вильгельм. Мой дорогой Колиньи, в свое время меня с большим усердием обучали латыни, и я ее до сих пор не забыл. Но, поверьте мне, я не вижу никакого преступления в том, что другие не знают латыни и даже не желают ее знать.

Колиньи. Но за чтение этой книги людей отправляют на костры!

Вильгельм. Мне это известно. А еще я могу вам сообщить, что все эти меры являются незаконными.

Колиньи. Как это – незаконными?! Они же спускаются сверху! Все королевские эдикты только об этом и гласят!

Вильгельм. В этой стране, мой друг, уже несколько веков законом является только то, что принято общим собранием представителей всех сословий. Вам не кажется, что это справедливо? Ведь у отдельных людей, как бы высоко они ни стояли, всегда может найтись повод превратить страну в живодерню.

Колиньи. А почему я ни от кого, кроме вас, об этом не слышал?

Вильгельм. Люди забывчивы, адмирал, и очень заняты своими делами. (*Прохаживается по комнате.*) Скажите, а ваши друзья (*указывает на дверь*) никогда не рассказывали вам, сколько здесь, в Антверпене, их единомышленников?

Колиньи. Принц!!!

Вильгельм. Их здесь десятки тысяч! И хотя они знают, что им грозит костер, они не очень-то стараются скрыть свои убеждения.

Колиньи. Вера сделала их свободными.

Вильгельм. Я не берусь оспаривать это утверждение! Но я твердо знаю другое – в их жилах течет не рабская кровь! Можно не изучать конституций и законоположений, но ощущать нутром, что тот, кто пытается насилловать вашу совесть, так же незаконен, как вор, лезущий в окна. Теперь, когда окончилась война...

Колиньи. Да поймите же, она только начинается! Вот, я прочту вам сейчас одно место. *(Начинает листать Библию.)* Ну ладно, в другой раз!

Принц, не дождавшись окончания его поисков, подходит к окну. С высоты замка видны город и антверпенский порт. В устье Шельды входит маленькая флотилия. Белые паруса сверкают на солнце.

Вильгельм *(тихо)*. За что вы так любите войну? Вот, посмотрите на этот город! – Он живет от всего мира! Любая война, где бы она ни шла, идет ему в ущерб.

А теперь в нем разжигается вражда, которая может не оставить здесь камня на камне!

Колиньи. Есть такое направление, которое совсем запрещает воевать... Они даже не обороняются, оружия в руки не берут – поднявший меч от меча и погибнет... Что вы об этом думаете?

Вильгельм. Ничего не думаю!

Колиньи. А мне приходится думать день и ночь!

Понимаете, ведь выбор сделать необходимо, а ошибиться при этом никак нельзя!

* * *

4. Соколиная охота. Сокол преследует цаплю. По берегу реки мчится блестящая кавалькада. Всадники достигают леса и рассыпаются по нему.

Двое всадников (король Генрих и принц Оранский), отделившись от остальных, оказываются в маленькой роще.

Король Генрих. Вот здесь и подождем этих красавцев! Нас, наверное, будут искать – ничего, пускай поищут. – Великолепная охота! Ваши кречеты, ваши сокольничьи, принц, – выше всяких похвал!

Король испанский, наверное, сделает вас правителем Нидерландов?

Вильгельм. По всей вероятности, его величество назначит на этот пост свою сестру герцогиню Пармскую³.

Король Генрих. Ничего, вы еще успеете себя проявить. Сколько вам лет?

Вильгельм. Двадцать шесть, сир.

Король Генрих. О вас говорят, что когда вы были совсем

³ Маргарита Пармская – побочная дочь императора Карла V.

еще ребенком, покойный император спрашивал ваших советов и не стыдился в этом признаваться.

Вильгельм. Я слышал эту легенду, сир, но, право же, не знаю, кто ее придумал. Покойный император действительно относился ко мне отечески и даже достаивал личных занятий.

Король Генрих. Вот как, вы, оказывается, еще и скромны! Редкое качество в наше время, когда всеобщая наглость дошла нам вот до сих пор! *(Проводит рукой по горлу. Затем озирается вокруг и продолжает негромко и взволнованно.)*

Слушайте, принц, я давно уже хотел поговорить с вами на эту тему вместо того, чтобы выслушивать этого солдафона герцога Альбу. В конце концов, и он, и даже Эгмонт – это всего лишь руки короля! Головы – это вы с Гранвеллой!

Поймите меня, я свято верю в искренность Филиппа, я просто преклоняюсь перед его непримиримостью в делах религии, но есть вещи...

Совсем близко раздается шум охоты. За деревьями мелькают всадники. Слышны крики: «Сир! Отзовитесь!»

Король делает принцу знак не отвечать. Всадники исчезают. Король подъезжает к Вильгельму вплотную.

Король Генрих. Вы должны взять это на себя! Вы блестяще знаете людей, вы сумеете объяснить ему, как никто другой. Характер испанцев совсем иной, чем у фламандцев! О французах я уже не говорю! Нельзя, поймите, нельзя применять к ним одни и те же методы!

Вот он решил во что бы то ни стало ввести в Нидерландах испанскую инквизицию. Надеюсь, вы не станете меня уверять, что вам по вкусу эта затея?

Вильгельм (*ошеломленный этим сообщением, он отвечает не сразу*). Нет, сир!

Король Генрих. Вот видите, о ней знает сейчас едва ли семь человек, и уже двоим она представляется по меньшей мере сомнительной! А когда это будет обнародовано, представляете, какой поднимется крик?

Вильгельм. Представляю!

Король Генрих (*делая широкий жест*). Разве мы со своей стороны не стремимся пресечь распространение ереси? Но что это дает? Мой бог! Со дня выхода последнего эдикта казнили восемнадцать еретиков. Да я сегодня же во время обеда насчитаю вам вдвое больше за королевским столом. Принцы крови! Командующие армией! Он думает испугать их своей инквизицией!

А в Нидерландах! Пускай тамошние еретики сплошь землекопы и угольщики, я прекрасно знаю, что они мнят о себе и своих правах не меньше, чем французские дворяне! (*Самодовольно.*) Да, мой друг, не удивляйтесь! Пока мой сын и брат король испанский простаивал на коленях в своей молельне, я неплохо изучил положение дел в Европе!

Нам предстоит тяжелая борьба. Борьба не на жизнь, а на смерть! Я не испанец и не ханжа. Я не собираюсь, как король Филипп, войти по трупам еретиков в Царствие небесное. На

сегодняшний день с меня вполне хватит земных забот! И я ищу в вас союзника, принц, не только из уважения к вашим способностям. Ведь вы же не вчерашний выскочка и не простой землевладелец!

Если собрать воедино все ваши земли, разбросанные по трем королевствам, то получится недурной островок. Нам с вами есть чем рисковать! А риск велик, очень велик! Достаточно сделать ошибку в самом начале, и мы даже не заметим, как эта шутовская погоня за еретиками, с торжественными кострами и прочей мишурой, обернется самой настоящей гражданской войной. И я отнюдь не могу поручиться за ее исход, и вы тоже, принц, и каждый, у кого голова на плечах, а не где-то еще!

Снова слышатся крики охотников. Над головами короля и Вильгельма мечется стая чирков. Сокол, падая на них сверху, гонит их дальше.

Король Генрих. Мой план гораздо надежней! Жестче! Но выполнить его можно только в том случае, если наши с Филиппом действия будут полностью согласованы. Иначе нас ждет провал и все, что за ним следует.

Смотрите, что я предлагаю. – Гонения временно прекращаются! Можно дать им письменные гарантии, можно и не давать – сделать вид, что все пошло само собой! Это все детали, не в этом дело! Главное – чтоб они почувствовали безопасность, выползали из нор, куда мы сами их загнали. Затем наступает самое трудное. Знаете, как делается лекар-

ство? Одна лишняя крупинка может превратить его в яд! Так и здесь. Надо отмерить время с точностью аптекаря, чтобы одна лишняя минута не дала им перевеса! Вот в этот промежуток можно использовать вашу инквизицию, пусть только она временно попридержит свой пыл. Пусть составляют списки, пусть выявляют тех, кто еще не примкнул к еретикам, но уже колеблется или просто сочувствует им. – Все, все должны быть уничтожены – без всяких там комедий и судебной волокиты, а решительным ударом, в один день, а еще лучше ночью и непременно в обеих странах сразу! – О-о! Чтоб уничтожить эту язву, надо резать глубоко, глубоко! Чисто! Не то что следа не останется – вспомнить будет нечего! *(Переводит дыхание.)* Вы что-то хотите возразить, принц?

Вильгельм *(медленно)*. Насколько я понимаю, сир, речь идет о предприятии чрезвычайно обширном по своим масштабам. А в подобных случаях, как известно, резко возрастает число непредсказуемых результатов, чаще всего нежелательных.

Король Генрих. Самые нежелательные результаты, дитя мое, мы получим тогда, когда эти господа сделают с нами то, чего мы не успеем сделать с ними! *(Принц молча улыбается.)* Ну хорошо, тогда я скажу вам сам! – Подобные предприятия не новы в истории, хотя о них принято не вспоминать. Но те, что помнят, знают, что после таких грандиозных кровопусканий очень сильно увеличивается рождаемость. – Так что не бойтесь! Зарастет! Оглянуться не успеете!

Сокол настигает цаплю и бьет ее клювом изо всех сил. Цапля падает, испуская страшный крик. В воздухе кружатся окровавленные перья. К месту падения цапли бежит сокольник.

Король Генрих и принц выезжают из лесу. Навстречу им скачет всадник – герцог де Монпансье.

Герцог. Сир, я уже не знал, что думать!

Сокольник с мертвой цаплей в руках бежит навстречу королю.

Король Генрих (*принимая цаплю от сокольника*). Попа-лась, еретичка!

* * *

Полянка – место сбора охотников. Под деревом сидит пышно одетая дама. Все складывают свои трофеи к ее ногам.

Принц Конде (*Вильгельму*). Что с вами, принц? Вы бледны как смерть!

Вильгельм. Цапличий пух попал мне в горло.

Принц Конде. Вам надо выпить вина! (*Вертит свою флягу, она пуста.*) Сейчас!

Король Генрих (*герцогу де Монпансье*). Кузен, предупредите принца Оранского!

Герцог (*подходит к Вильгельму*). Принц, имейте в виду, что принц Конде – первый еретик во всем королевстве! (*Вильгельм знаком дает ему понять, что все будет в поряд-*

ке.)

* * *

Рыцарский турнир. Разукрашенные ложи полны нарядных дам и кавалеров. На арене – схватка всадников, закованных в латы.

Принц Оранский входит в одну из лож.

Альба (*удивленно*). Что это, принц! Вы не участвуете в турнире? Я-то думал, что вы там! (*Указывает в сторону палатки участников.*)

Вильгельм. Я нездоров!

Альба (*покачивая головой*). Молодежь!

На арене.

Герольд. В следующем поединке сразятся Генрих, король Франции, и сир Джон Монтгомери, английский рыцарь!

Зрители наблюдают за поединком. Монтгомери наносит удар копьем.

Король падает на землю.

В ложах. Все в замешательстве. Многие повскакали с мест. Крики – «Как! – Нет! – Не может быть! – Великий Боже!» Всеобщая сумятица нарастает. Слышны рыдания. Ложи пустеют. Принц Оранский уходит последним.

Глава первая

* * *

1. Всадник на белом коне выезжает на дорогу, ведущую к укрепленному городу. Ему навстречу во весь опор несутся четверо всадников. Один из них (Людвиг Нассау) опережает других.

Людвиг (*размахивая шляпой*). Благородные графы Нассау приветствуют принца Оранского у стен его доброго города Бреды!

Два других благородных графа – мальчики четырнадцати и двенадцати лет – подъезжают к ним. С криком «Сдавайтесь, принц!» они вскарабкиваются на его коня, целуют принца, виснут у него на шее.

Вильгельм. Не так-то это просто!

Схватив старшего поперек туловища, он перебрасывает его на другую лошадь. Младший так и остается сидеть позади него, прижавшись к его спине. Последним подъезжает граф Иоганн.

Иоганн. Как я счастлив, что наконец вижу тебя, Виллем! Что мы все вместе видим тебя!

Братья идут по каменной террасе замка. Впереди – Виль-

гельм и Людвиг, за ними – Иоганн с двумя мальчиками.

Людвиг. Все возмущены до предела! Ни о чем другом уже не говорят! По-моему, надо переходить к решительным действиям. Не станем же мы спокойно смотреть, как инквизиция врывается в дома беззащитных и тащит их на костер! Мы никогда этого не допустим!

Вильгельм. Кто – мы?

Людвиг. То есть как? Все порядочные люди! Все, у кого в груди благородное сердце!

Вильгельм. И много ты уже набрал таких сердец?

Людвиг. Все мои друзья, ваша светлость, полностью разделяют мои взгляды!

Вильгельм. А как вы собираетесь воздействовать на тех, кто не разделяет ваших взглядов?

* * *

Трое старших братьев располагаются в большой комнате.

Людвиг. Прежде всего, Виллем, я хотел бы узнать, что собираешься делать ты. Конечно, этот дьявол Гранвелла забрал всю власть в свои когти – но когда в Государственном совете сидят такие люди, как ты и Эгмонт! Всем же ясно, что вы так просто ему не сдадитесь!

Ведь для вас инквизиция – это просто личное оскорбление! Собственно, как и для каждого фламандца!

Вильгельм. Видишь ли, мой мальчик, так как я постав-

лен штатгальтером трех провинций, а также занимаю другие государственные должности, то я считаю своим первейшим долгом поддерживать законы этой страны, освященные временем и обычаем. Решение правительства учредить новые епархии – или же, по сути дела, ввести повсеместную инквизицию, – противоречит этим законам.

Людвиг. Оно прежде всего противоречит законам человечности!

Вильгельм. А ты мог бы кому-нибудь объяснить, что такое человечность, Людвиг?

Людвиг. Ну, это...

Вильгельм. И не пытайся! Те, кто это знает, ни в каких объяснениях не нуждаются! А вот для тех, кто нуждается, существуют законы, записанные на пергаменте.

Вот, все всполошились, когда увидели инквизицию у своих дверей! Еще бы! При этой системе никто не уверен в своей безопасности. – Инквизиция не знает правых, ей нужны только виноватые, а чтобы их число не уменьшалось, у нее есть много способов.

Что и говорить, когда из-за случайно брошенного слова, взгляда можно попасть на костер, то жизнь становится невыносимой! А как быть, когда туда попадают за доказанные преступления – за веру?

Преследования еретиков ведутся десятки лет, хотя этим прямо нарушается конституция, особенно хартии Брабанта и Голландии. Конечно, в провинциях не идет такая бойня, как

в Турнэ, но тоже нет-нет да и сожгут кого-нибудь живьем! А как бьются при этом благородные сердца?

Людвиг. Виллем, ты говоришь это мне? Ты знаешь меня с детства! (*Сжимает кулаки.*) Да когда я вижу, как обижают слабых, я просто не знаю, что я готов сделать!

Вильгельм. Надо знать. Ты уже взрослый.

Иоганн (*стоя у окна*). Я с этим не могу согласиться! Эти господа, по-моему, тоже!

Он указывает во двор. Принц и Людвиг отходят к окну: во дворе их младшие братья играют в военную игру. Завидев Людвига, они машут ему, чтобы он шел к ним. Он быстро отворачивается.

Людвиг (*к Вильгельму*). Как же, по-твоему, будут развиваться события?

Вильгельм. В тех местах, где выполнялись королевские эдикты, гонения станут еще более жестокими! Там же, где им сопротивлялись, – надо надеяться, это сопротивление возрастет!

Людвиг. Да, а во Франции на это смотрят по-другому!

Там решили во что бы то ни стало добиться полного равноправия для протестантов. Они готовы выступить в любую минуту. Все силы собраны. – Я располагаю точнейшими сведениями обо всем, что там происходит.

Вильгельм. Что ж, мне очень лестно, что ты пользуешься таким доверием у гугенотов!

Иоганн. Это они пользуются его доверием! Они испра-

шивают его благословения на каждый свой шаг.

Вильгельм (*помолчав*). Я не считаю войну лучшим способом решать все проблемы, граф Людвиг! Из всех возможных войн гражданская – наихудшая! Как же я могу на нее согласиться, когда я ясно вижу, как ее избежать?

Людвиг. А ты не допускаешь, что может случиться так, что твое миролюбие ни в ком не найдет поддержки?

Вильгельм. Допускаю.

Людвиг. Что же тогда?

Вильгельм. Тогда, как и сейчас, я не стану скрывать от тебя своих намерений, мой мальчик!

А пока что я хочу обсудить с вами семейные дела.

Я собираюсь жениться! Но для этого мне предстоит уладить некоторые дипломатические моменты. Я хочу просить вас выступить в качестве посредников, но предупреждаю, что дело это будет не из легких!

Иоганн. Мы очень внимательно слушаем вас, ваша светлость.

Вильгельм. Я намерен просить руки Анны Саксонской, дочери покойного Морица⁴, племянницы нынешнего курфюрста.

Людвиг и Иоганн вскакивают со своих мест.

⁴ Мориц Саксонский возглавил военный союз протестантских князей против Карла V и своими успешными действиями вынудил его установить в Германии относительную веротерпимость.

2. Брюссель. Кабинет правительницы. Маргарита Пармская, кардинал Гранвелла и президент Тайного совета Вилиус.

Маргарита (*швыряя на стол бумаги*). Мне кажется, принц Оранский затеял эту женитьбу только затем, чтоб отвлечь нас от более важных дел!

Гранвелла. Ну-ну! Это не так-то легко сделать.

Маргарита (*плаксиво*). Тридцать восемь лет прожила я на свете, я даже вообразить не могла, что существует такая черная неблагодарность! Покойный император просто не знал, какими еще благодеяниями осыпать своего Молчаливого! И это для того, чтобы он женился на дочери Морица Саксонского!

Вилиус. А что пишет его величество по этому поводу?

Маргарита (*поворачиваясь спиной к Вилиусу*). Нет, кардинал, вот вы все знаете, скажите мне откровенно – зачем ему понадобилась эта девка? – За первой женой он получил чуть не пол-Голландии! А тут что? При его доходах и его замашках! Разве это приданое? Одну неделю погулять, как здесь принято, – от него и гроша не останется!

Гранвелла. Что же, кто-нибудь более злой и менее проницательный, любезная герцогиня, сразу бы сказал, что принц Оранский замыслил мятеж, а где же в таком случае

взять помощь, как не в Германии? (*Делает выжидательную паузу.*) Но я глубоко убежден, что это не так! – Наш мудрый Виллем человек не воинственный. Правда, его сжигает страсть к интриганству, но это совсем другое дело! Нет-нет, крайне глупо было бы с его стороны ввязываться в такое предприятие. Он ведь прекрасно знает, что каждый его шаг контролируется, что в любой момент он в наших руках. Кроме того, он связан величиной и характером своей собственности. Эти земли, которые достались ему со всех сторон – нельзя же их сунуть в карман и убежать за границу!

Вилиус. Нет, я все-таки сомневаюсь, что этот брак состоится! В конце концов, курфюрст Мориц давно в могиле, но ведь принцесса – родная внучка ландграфа Гессенского! Неужели он даст согласие! Я в свое время имел очень слабое касательство к его аресту, но теперь, ей-богу, ни за что бы не хотел оказаться с ним (*озирается*) в одних стенах!

Маргарита. Ничего! Молчаливый такой хитрец, он самого черта уломает, если ему понадобится! (*Плаксиво.*) Его величество тоже выразил надежду, что это сватовство расстроится! Такое оскорбление памяти отца! Мне кажется, сам Лютер причинил ему меньше зла, чем Мориц Саксонский!

Вилиус. Да нет, нет! Ничего этого не будет! Ну, посудите сами! (*Понижая голос*) Как бы мы к этому ни относились – вы понимаете, о чем я? – но они-то знают, за что они воевали! Да они ни за что на свете не отдадут свою принцессу за католика!

Маргарита. Да он еретик! Скажите, кардинал! Я просто уверена, что все фламандские главари – отъявленные еретики! И принц, и Эгмонт, и этот лысый голодранец граф де Горн!

Гранвелла (*сквозь зубы*). М-да, скоро мы будем иметь удовольствие полюбоваться на это ничтожество.

Вилиус. Нет, ваше высочество, это уж слишком! Они, конечно, люди дерзкие и самонадеянные, но все же не еретики!

Гранвелла. Я целиком присоединяюсь к господину президенту. Ведь что такое еретики? Это тупоумный скот, который смотрит в рот своим проповедникам! А наш принц Оранский искренне убежден, что умнее его нет никого на свете.

Маргарита. Он так прямо и заявляет?

Гранвелла. Ах, дорогая герцогиня! Ваш великий отец прозвал его Молчаливым не потому, что он не умеет говорить. Но молчать он умеет еще лучше!

Входит Барлемон.

Барлемон (*кланяясь*). Ваше высочество! Господа! Прошу извинить мое опоздание, но я боялся, что вовсе не приду сюда!

Вилиус. Как я вас понимаю! Сейчас всех, кого только можно, заваливают жалобами.

Маргарита. По-моему, барон, вы сами сейчас говорите, как жалобщик!

Барлемон. А вы считаете, мадам, что у меня нет для это-

го оснований? Вам известно, что я намерен в любом случае поддерживать любые меры правительства. Такова моя присяга. Но выражать восторги я не собираюсь!

В стране нет ни одного человека, которого бы не затронули так или иначе все эти... нововведения! А я, представьте себе, тоже не на небе нахожусь! Имейте в виду, кардинал, что все в один голос обвинят вас!

Гранвелла. Я даже не стану отвечать на подобные обвинения! Король задумал учредить новые епархии еще семь лет назад, а первым, кому он об этом сообщил, был маркиз де Берген!

Барлемон. Возможно! Но сейчас Берген кричит громче всех, что инквизиция – это позор рода человеческого, а вас, мой друг, прошу прощения, многие с радостью разорвали бы на куски!

Наступает неловкое молчание.

Маргарита. Ну хорошо, барон, вы все-таки скажите конкретно, чем недовольны вы? Вас-то ни в чем не обвиняют? Неужели вы боитесь криков? Рано или поздно они все равно замолчат!

Барлемон. Крики! Стране грозит разорение, мадам! *(Протягивает ей пакет.)* Вот, я составил полный доклад! Не для того, чтобы его зачитывали в Государственном совете, но чтоб вы меня потом не обвинили, что я вас не предупредил!

Гранвелла. Да, те, кто творит историю, не боятся вре-

менно пожертвовать какими-нибудь благами! Но не каждому дано это понять!

Барлемон. Совершенно верно! И я очень боюсь, что пока будет твориться история, мои дети останутся без куска хлеба!

Маргарита (*делавшая вид, что читает его доклад*). Ну что же, ваши доводы вполне убедительны! Ни для кого не секрет, что с учреждением новых епархий будет связано некоторое перераспределение доходов! Возможности наши небезграничны, и вообще, угодить всем никогда нельзя! Но почему это должно отразиться на вас? Неужели мы станем отдавать кому-то хорошие места в обход вас и ваших детей? И я никак не могу понять, почему все так всполошились по поводу инквизиции? Там ведь тоже служат люди, а не извращения!

Барлемон (*вздыхая*). Нет, что ни говорите, инквизиция – это ужасно! Если б не эти сектанты! Если б они не размножались с каждым часом!

Маргарита (*кокетливо*). Это вам так кажется, барон! А вот принц Оранский считает, что их здесь слишком мало, что надо бы еще привезти из Германии!

* * *

3. Брюссель. Дворец Нассау. Двое всадников спешиваются у парадного входа.

Огромный вестибюль дворца. Симонсен – управляющий принца – спешит навстречу прибывшим посетителям.

Симонсен (*пожимая руку старшему*). Как я рад вас видеть, дорогой ван Стрален! Как обрадуется его светлость!

Ван Стрален⁵. Это (*указывая на своего спутника*) Ян Рубенс, мой новый помощник.

Симонсен (*пожимая руку второму*). Все антверпенцы – желанные гости в этом доме. А тем паче отцы города!

Ван Стрален. Мы боимся, Симонсен, что скоро они станут гостями совсем в других местах. И не очень-то желанными.

Симонсен. Что, уже разбегаются?

Ван Стрален. К этому идет!

Симонсен. Да, ничто так не огорчает принца, как эмиграция!

Ван Стрален. Сейчас главное, чтоб Антверпен избежал инквизиции! Мы действуем по плану, составленному его светлостью, но правительница с кардиналом вылавливают наших гонцов. Недавно посольство в Испанию перехватили. Я решил теперь все, что можно, делать сам.

Симонсен. У его светлости сейчас граф Эгмонт.

Ван Стрален. Прекрасно! Он нам тоже очень нужен!

Рубенс (*строго*). Простите, господин ван Стрален, вы направлялись сюда, чтобы говорить с принцем Оранским!

Симонсен. Мне нравится ваш молодой друг, ван Стра-

⁵ Ван Стрален – бургомистр Антверпена.

лен! Сразу видно настоящего брабантца! – А где же ваш багаж?

Ван Стрален. Нет-нет! Здесь и без нас хватает постояльцев!

Симонсен. Комнаты графа де Горна стоят пустые.

Ван Стрален. У нас поговаривают, что Горна вообще не выпустят из Испании.

Симонсен. Здесь тоже так думали одно время, но теперь есть сведения, что в Мадриде решили по-другому. Это называется мудрая испанская политика! Они вынуждали адмирала содержать из года в год чуть ли не весь военный флот, – вот и довели до полного разорения. Но жизнь его, как видно, решили подарить фламандскому народу.

Входит просто одетый человек, низко кланяется Симонсену и гостям и, избежав по боковой лестнице, исчезает за дверьми. Оттуда слышатся шум и возгласы. Рубенс бесцеремонно следует за новым посетителем и заглядывает в ту же дверь.

В огромном зале накрыты длинные столы. За ними – множество народа. «Здоровье короля! Здоровье графа Эгмонта!»

Рубенс. А правда, господин Симонсен, что у вас днем и ночью накрыты столы и кормят всех без разбора?

Симонсен (*возмущенно*). Кто это говорит? Ночью! Этого еще не хватало! Ночью!

Ван Стрален. А скоро свадьба?

Симонсен. Этого, увы, никто не знает.

Ван Стрален. Что, его испанское величество не дает согласия?

Симонсен. А кто его спрашивает? Его известили из чистой любезности! Его светлость член империи, а не чей-то подданный! – Нет, это все старик ландграф! Он ненавидит Гранвеллу просто до безумия!

Рубенс (*захохотав*). Так пусть скорее присылает свою внучку сюда! Здесь все его точно так же ненавидят!

Симонсен (*со вздохом*). Да, а могли бы найти себе лучшее занятие! Его светлость говорит, что ненависть – самая никчемная вещь на свете, а я привык ему верить!

Ван Стрален. Правильно, надо не болтать, а делать! Знаете, что мы предпринимаем?

Рубенс разводит руками.

Симонсен. Друг мой, мне это знать совершенно не обязательно! (*На Рубенса.*) Но какой славный молодой человек!

Ван Стрален. Все равно, я не пущу инквизицию в Антверпен! Когда ничего больше не останется, я просто стану в воротах и не пущу!

Симонсен. Ну, уж тогда она никак не пройдет! Как вы думаете, господин Рубенс?

Ван Стрален. Но до этого еще далеко! (*Хватает Симонсена за плечо и быстро говорит ему прямо в ухо.*) Мы собираемся дать взятку самому папе! (*Отпускает его.*) Может, после этого король станет сговорчивее. На какое-то время.

Кабинет принца. Эгмонт и Вильгельм пишут письмо королю.

Эгмонт (*откладывая перо*). Да, так правильной всего. Пусть король все знает. Я не гожусь на роль марионетки! А если он решит по-другому, значит, моя служба ему просто не нужна!

Вильгельм. От этого она не перестанет быть нужной миллионам фламандцев.

Эгмонт. Да, положение этого народа стало очень незавидным. – Знаете, я всегда с уважением относился к королю, но все, что последнее время исходит из Мадрида, похоже на издевательство! Понятно, что за всем этим стоит Гранвелла, но все равно – это продуманное издевательство!

Вильгельм (*задумчиво*). Нет, это результат ложного представления о том, что все люди – одинаковы и что страхом смерти их можно вынудить к чему угодно.

Эгмонт. А вы что думаете по этому поводу?

Вильгельм (*лукаво*). Ну, если подходить со всей строгостью, то двух одинаковых людей вряд ли можно будет отыскать!

Эгмонт. Ну, это преувеличено! Истина, я полагаю, лежит посередине. Разве что нашего кардинала я готов признать неповторимым, уникальным! Праведное небо, откуда берут-

ся такие негодяи? Ведь он не просто отстранил нас от дел — он нас люто ненавидит! Не может быть, чтоб вы не замечали! Его же трясет при виде нас!

Вильгельм. Я замечаю это. И каждый раз, надо признать-ся, этому удивляюсь!

Эгмонт. По-вашему, это достойно удивления?

Вильгельм. Кардинал Гранвелла вообще личность достойная удивления. Он вышел из низов, из самой простой семьи, и сделался правой рукой двух подряд могущественнейших европейских государей. И все это благодаря своим врожденным талантам и какому-то блистательному стечению обстоятельств!

Эгмонт. Вот он и завидует нам с вами. Все совершенно ясно! Ведь тот, кому положение досталось по наследству, не гонится за случаем, чтобы проявить свои способности.

Вильгельм. Разве необыкновенная судьба не лучше всякого наследства?

Эгмонт (*смеясь*). Нет, принц, ей-богу, его бы хватил удар, если бы он узнал, как вы им восхищаетесь!

Вильгельм. Нет, я им не восхищаюсь. (*Берет письмо, смотрит, просохло ли оно.*) Я сделаю все, что возможно, чтобы выставить его из этой страны!

Эгмонт. Да, жаль, что нет адмирала де Горна! Он тоже бы подписался.

Вильгельм. У него еще все впереди. Я надеюсь, дорогой граф, вы не думаете, что наше письмо королю возымеет без-

отлагательное действие?

ЭГМОНТ (*с глубоким вздохом*). В таком случае мне действительно не стоит появляться в Государственном Совете. Потому что еще одна наглость с его стороны – и, я даю вам слово, я изобью его в присутствии правительницы!

* * *

4. Город Валансьен. Городской магистрат. Первый и второй судьи и запыхавшийся вестовой.

Вестовой. Они должны быть с минуты на минуту! (*Выходит.*)

Первый судья (*садится, держась за сердце*). Заранее ничего знать нельзя. Будем надеяться на лучшее!

Второй судья. Сейчас не такое время, чтобы надеяться на лучшее!

Первый судья. Ну, мало ли! А вдруг маркиз де Берген помер?

Второй судья. Как бы не так! Вы что, всерьез верите, что он болен?

Первый судья. Чего не бывает! Я проснулся сегодня ночью – дышать нечем, сердце вот-вот выскочит! Ну, думаю, вот и смерть пришла. И так мне стало спокойно, так спокойно, что я опять заснул. А наутро просыпаюсь – на тебе!

Второй судья. Да, хорошо им командовать, сидя в Брюсселе. А нас тут в любой момент могут на куски разорвать!

В дверь просовывается голова – «Идут!»

Первый судья бросается к висящему на стене распятию, крестясь и беззвучно шевеля губами.

* * *

Валансьенские судьи перед комиссаром из Брюсселя.

Второй судья. И вы можете не сомневаться, ваше превосходительство, что нами руководит не преступная снисходительность к еретикам, а исключительно стремление соблюсти букву и дух закона. Казни такого рода никогда еще не совершались в Валансьене без присутствия штатгальтера.

Как только маркиз де Берген будет здоров, как только он приедет, все приговоры будут немедленно приведены в исполнение!

Комиссар. Нет, я просто потрясен вашим формализмом! Для того чтобы сжечь человека, нужен не штатгальтер, а палач! Уж не хотите ли вы сказать, что в вашем городе перевелись палачи?

Первый и второй судьи. Нет, мы не хотим этого сказать!

Комиссар. Возьмите, к примеру, Турнэ! Когда там последний раз видели штатгальтера? Да он там и не показывается! Но это ничуть не мешает своевременному отправлению правосудия.

Второй судья. Да, мы наслышаны о беспримерной сме-

лости турнезийских инквизиторов. Но, ваше превосходительство, мы совсем в другом положении! В исключительно тяжелом!

Первый судья. Ведь мы совсем на французской границе! Что тут ни делай, а они ползут оттуда и ползут!

Комиссар. Кто ползет?

Первый судья. Проповедники! Гугенотские проповедники!

Комиссар. А ваши граждане принимают их с восторгом.

Первый судья. Да еще с каким!

Комиссар. И при этом вы пишете в донесениях, что число сектантов незначительно и за минувший год не возросло!

Второй судья. Ваше превосходительство! Ради всего святого, не думайте, что мы хотим ввести правительство в заблуждение! Арестованные содержатся со всей строгостью, на хлебе и воде; можете проверить, если угодно! А что до остальных... *(понижая голос)* в городе царит жуткая неразбериха! Ни о ком нельзя сказать в точности, гугенот он или нет! Да многие и сами толком этого не понимают!

Комиссар. Так что же получается? При таком состоянии умов вы фактически допускаете безнаказанные проповеди!

Второй судья. Тут уже не поймешь, что хуже – наказывать или не наказывать! Ведь это же люди! И когда они видят, как другие люди с полным спокойствием подымаются на костры, в них такое пробуждается... Такое!..

Комиссар в задумчивости прохаживается по комнате.

Комиссар. Господа! Вы хотели бы, чтоб город объявили находящимся в состоянии мятежа и ввели в него правительственные войска?

Первый и второй судьи. Нет, мы бы этого не хотели!

Комиссар. Ведь вы же боитесь за себя, мне это совершенно ясно! В присутствии войск вы будете в безопасности.

Второй судья. Ваше превосходительство! Передайте герцогине, что мы умоляем ее прислать в Валансьен нашего штатгальтера маркиза де Бергена!

* * *

5. Принц Оранский, лежа на кровати, просматривает письма. Граф Иоганн сидит у него в ногах. Людвиг стоит поодаль.

Вильгельм. Ну что ж! По-моему, все не так плохо! Официальный опекун принцессы – курфюрст Август. А раз он в принципе одобряет этот брак, то пускай сам и уговаривает ландграфа. В одном письме он даже намекает, что на худой конец он просто обойдется без его согласия.

Иоганн (*заметно нервничая*). Прости меня, Виллем, ты никогда не думал, что у курфюрста могут быть особые причины, заставляющие его желать этого брака, столь нежелательного для столь многих?

Вильгельм (*насмешливо*). Дитя мое, несомненно, у него есть такие причины, и я очень рад, что они у него нашлись,

потому что для меня, как ты мог заметить, этот брак весьма желателен.

Людвиг. А по-моему, не стоит обижать старого ландграфа. Это честный, благородный человек! Один из тех, кто заставил императора дать Германии свободу веры! Если учесть нынешнюю ситуацию, то портить с ним отношения крайне неостроумно.

Вильгельм. А я и собираюсь быть с ним в самых лучших отношениях. Принцесса, выходя замуж, не перестанет быть его внучкой.

Людвиг. Да ты пойми, он может простить, забыть все старые распри, даже этот подлый плен, в который его заманил Гранвелла. Но он ведь упирает совсем не на это! Он не может примириться с тем, что ты католик, а это так быстро не исправить, особенно сейчас!

Вильгельм. Милый мой мальчик, я не собираюсь потворствовать ханжеству, от кого бы оно ни исходило. От его величества короля Филиппа, или от ландграфа Гессенского, или еще от кого-нибудь, кому взбрело в голову разыгрывать из себя святого.

Иоганн. Ах, дон Филипп и без того относится к тебе с подозрением!

Вильгельм. Было бы очень глупо рассчитывать, что это подозрение уменьшится, если я откажусь от союза с Саксонией.

Младшие братья переглядываются. Людвиг кивает на без-

молвный вопрос Иоганна.

Иоганн. И все же ты мог бы поинтересоваться, Виллем, на ком ты собираешься жениться.

Вильгельм. На женщине! Женщины в этом возрасте, надо полагать, все одинаковы.

Иоганн (*сильно волнуясь*). Дорогой мой, ты человек мудрый, и никто на свете так не знает людей, как ты! Наверное, ты прав, и все женщины действительно одинаковы, но эта дама, извини меня, составляет исключение!

Вильгельм удивленно подымает брови. Братья снова переглядываются.

Иоганн. Она отличается крутым и крайне вспыльчивым характером, чтобы не сказать больше, и характер этот с годами не обещает исправиться... Кроме того... кроме того, она некрасива и у нее... у нее что-то с ногой, поэтому про нее говорят, что она кривобокая! (*Переводит дух.*) Вот! Теперь ты понимаешь, что хотя она дочь Морица и ей всего семнадцать лет, у курфюрста очень мало шансов сбыть ее с рук!

Вильгельм (*смущенно*). Бедное дитя! Если бы я знал это раньше, я бы давным-давно к ней посватался!

Дверь приоткрывается. В ней показывается человек, который делает знак принцу. Братья выходят из комнаты.

* * *

Симонсен, Иоганн и Людвиг пьют вино.

Симонсен. Вы снова отправляетесь в Германию?

Иоганн. На этот раз граф Людвиг поедет туда один.

Людвиг. Саксонский курфюрст по мне соскучился. Ах, Симонсен, если б вы его видели! Как он клянется Лютером! Как он закатывает глаза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.